

долго им останется. М.Н. Осьмова подчеркнула тесную взаимосвязь экономической роли государства и его экономической эффективности.

Государство призвано способствовать как всем формам бизнеса (крупному, среднему и малому бизнесу), так и развитию всех форм собственности. На протяжении развития общества функции государства, конечно, меняются. На сегодняшний день на первый план выходят функции государства в тех сферах, значимость которых нельзя определить только прибыльностью. В процессе глобализации мирового хозяйства возрастает роль государства во внешнеэкономической деятельности. В этой связи очень важно найти оптимальное сочетание открытости экономики и защиты национальных производителей.

При рассмотрении «провалов» необходимо выделять объективные и субъективные причины. К объективным причинам можно отнести изменения мировой конъюнктуры, экономические кризисы, существенный внешний долг и т.д., к субъективным факторам — проводимую правительством политику (например, решения, связанные со степенью открытости экономики). М.Н. Осьмова обратила внимание также на происхождение крупных современных российских капиталов. Не всегда законное приобретение в собственность крупных предприятий, по ее мнению, приводит к отсутствию социальной составляющей в российском бизнесе.

Проф. М.Н. Осьмова поблагодарила выступивших на круглом столе за плодотворное участие в дискуссии и выразила надежду, что высказанные ими идеи и мнения по поводу места и роли государства могут способствовать выработке эффективной программы взаимодействия государства и рынка.

О.М. Вихорева, С.Б. Карловская

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 6. ЭКОНОМИКА. 2006. № 1

РЫНОК И ПЛАН В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

29 апреля 2005 г. на экономическом факультете МГУ в рамках конференции «Ломоносовские чтения» состоялось продолжение работы научного семинара «Рынок и план в современной экономике»¹, посвященного памяти профессора Н.В. Хессина². В работе научного семинара приняли участие ученые экономического факультета МГУ, РАН, МФЮА, а также студенты, аспиранты и близкие Н.В. Хессина. Работа научного семинара проводилась по инициативе и под председательством руководителя Центра теории соци-

¹ Начало дискуссии см.: *Корчагина З.А.* Рынок и план в современной экономике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2005. № 2. С. 110—120.

² Н.В. Хессин (1922—1991) — известный советский экономист, докт. экон. наук, проф. кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, один из авторов «Курса политической экономии», вышедшей под редакцией Н.А. Цаголова, редактор значительной части его первого издания, автор многих работ в области истории экономической мысли и политической экономии.

ально-экономических трансформаций докт. экон. наук, проф. кафедры политической экономики А.В. Бузгалина.

На семинаре было продолжено обсуждение методологического подхода Н.В. Хессина к анализу товарно-денежных отношений при социализме, их связи с реалиями современной экономики России. Особое внимание участников семинара было уделено оценке многолетней научной и педагогической деятельности Н.В. Хессина, связанной с кафедрой политической экономики экономического факультета МГУ.

Работу научного семинара открыл **докт. экон. наук А.В. Бузгалин (МГУ)**. В своем вступительном слове А.В. Бузгалин отметил, что в условиях становления и развития рыночных отношений тема семинара в определенной мере носит «провокационный» характер. Упоминание понятий «план» и «планирование», тем более во взаимосвязи с рынком, а также в русле тех идей, которые в свое время высказывал и развивал Н.В. Хессин, остается предметом острых дискуссий, не теряющих своей актуальности и в настоящее время. Планирование — это понятие как феномен имеет много проявлений. Прежде всего это развивающееся понятие, не простое по сути и не окончательно оформленное. Предполагает историческую форму своего развития — планомерность как ее основу и развивается от своей основы, через учет, регулирование и контроль «снизу». Оно может быть исторически обусловлено и иметь связи с товарным производством, рынком.

Особый интерес представляет и развивающееся в современном мире так называемое «локальное планирование», составляющее сложный конгломерат с внутрифирменным планированием современных корпораций, поскольку объемы их продаж сопоставимы с размерами ВВП отдельных стран. Такого аспекта не было высказано в работах Н.В. Хессина. Но он тесно перекликается с проблемами самостоятельности предприятия как звена планомерных связей и вырастающими из них новыми чертами планомерности, которые обсуждались в том числе и Н.В. Хессиним.

Наконец, возникает вопрос, являвшийся предметом острых дискуссий, в которых участвовал и Н.В. Хессин, и не теряющий актуальности в настоящее время. Это вопрос о правомерности соотношения плана (регулирования) и рынка (товарного хозяйства). Здесь следует упомянуть о научных параллелях двух групп исследователей. С одной стороны, это Р. Макинтайер, Л. Тэйлор и некоторые кейнсианцы, утверждавшие регулирование рынка как норму современной рыночной экономики, а с другой — это советские «экономисты-хозрасчетники», считавшие, что товарно-денежные отношения, дополняющие плановую экономику, являются ее нормой. Таким образом, отметил А.В. Бузгалин, сегодняшняя дискуссия обещает быть весьма плодотворной.

Далее, А.В. Бузгалин подробно остановился на поставленных вопросах в развернутом докладе (*А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. Бескомпромиссная политическая экономия марксизма. Николай Владимирович Хессин*). В частности, он сказал, что ученые бывают разными. Одни живут в мире чистой науки и принципиально не хотят замечать изменения в общественной жизни, оставаясь в сфере чистых эмпирий. Среди экономистов таких мало. Другие более или менее искренне изменяют свои взгляды (а вместе с тем и теоретико-методологическую ориентацию) в соответствии с изменением политико-идеологического курса властей (или самих властей), а то и просто в связи с появлением новой научной моды. Таких среди экономистов едва ли не большинство. Но есть и редкая порода тех, кто бескомпромиссно отстаивает теоретические

позиции, которые они выработали в процессе своей исследовательской деятельности. Эти ученые встречаются редко, но помнят о них долго. Надолго остается для потомков не только вклад в науку, но и сама их жизнь, жизненная позиция. Именно к этому кругу замечательных людей принадлежит и Николай Владимирович Хессин³.

Среди основных достижений проф. Хессина в наибольшей степени выделяются три. Во-первых, работы по истории экономической мысли (главным образом творчеству Н.Г. Чернышевского). Во-вторых, исследования в области применения диалектического метода к исследованию политико-экономических проблем, и в частности метода «Капитала» К. Маркса, теории товара и стоимости. В-третьих, его вклад в политическую экономию социализма. Именно на этом, последнем, пункте нам и хотелось бы остановиться в первую очередь.

Начнем с того, что в своих известных работах⁴ проф. Хессин с самого начала и до конца выступал как последовательный диалектик, ведя свои исследования в режиме непосредственного диалога с другим известным специалистом в области марксистской методологии — Э.В. Ильенковым (этот диалог был в том числе очным: Н.В. Хессин и Э.В. Ильенков были хорошо знакомы; никогда не забудем того впечатления, которое на нас произвели выступления Николая Владимировича и Эвальда Васильевича на студенческом кружке, куда мы первый раз попали еще первокурсниками).

К числу основных тезисов, отстаивавшихся Н.В. Хессиным, относился акцент на диалектической природе экономических систем. Последняя трактовалась нашим учителем как генетическое развертывание всего богатства отношений исторически-конкретной системы производственных отношений (например, капиталистической) из исходного противоречия, или, используя известное выражение К. Маркса, «клеточки» этой системы. Само понятие «экономическая клеточка» было развито Н.В. Хессиным по аналогии с биологическими системами, где из «клеточки» вырастает весь организм, «генетический код» которого задан этим исходным пунктом. В социально-экономическом развитии, утверждал проф. Хессин, процессы развиваются сходным образом. Так, «генетический код» капитализма уже задан в его исходном моменте, «клеточке», которой является товар с присущими ему внутренними противоречиями. Именно эти противоречия и обуславливают развертывание в истории всего богатства отношений капитализма, а в теории — системы категорий «Капитала».

Примечательно, что, в отличие от большинства исследователей-марксистов, сводивших противоречия товара к отношению стоимости и потребительной стоимости и двойственному характеру труда, сводимому к его раздвое-

³ Авторы, конечно же, субъективны в этих кратких очерках и не претендуют на сухую биографичность и исчерпывающе полное отражение огромного научного наследия Н.В. Хессина. Мы поставили перед собой прежде всего иную задачу: показать наиболее значимые, актуальные, востребованные и ныне разработки нашего учителя, в частности те, что служат важнейшей основой в наших исследованиях.

⁴ См.: *Хессин Н.В.* Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» Маркса. М., 1964; *Он же.* Некоторые методологические вопросы «Капитала» К. Маркса // *Экономические науки.* 1976. № 8.

нию на абстрактный и конкретный, Н.В. Хессин развивал это понимание до выделения *противоречия между трудом общественным (но общественным опосредованно) и частным*, в основе чего в свою очередь лежит противоречие обособленности производителей и общественного разделения труда. Эта постановка вопроса была во многом связана с тщательным исследованием профессором Хессиным как ленинских работ⁵ (основанных, кстати, на обобщении обширного эмпирического материала), так и реалий советской экономики. И в том, что касалось реалий столетней давности, отраженных в работах В.И. Ленина, и в случае отношений «реального социализма», исследовавшихся самим Хессиным, практика показывала: чем в большей мере в системе общественного разделения труда углубляется обособленность производителей, тем сильнее развивается товарное производство и, далее, капитализм.

Последний тезис требует особого комментария. В своих методологических работах Н.В. Хессин и его единомышленники (которых, к сожалению, было немного) раскрыли историко-логическую генетическую взаимосвязь между товаром, его противоречиями и развитием капиталистических производственных отношений, существенно обогатив классическую марксистскую идею о том, что товарное производство рождает капитализм постоянно и в массовом масштабе из самого себя как «клеточки» буржуазного строя. Этот вывод оказался не просто теоретически важным, но и чрезвычайно актуальным в настоящее время, когда рыночные «реформы» очень быстро из своей внутренней объективной логики породили капитализм.

Мы еще вернемся ниже к этой проблеме, равно как и к спору «товарников» и «не-товарников» советской эпохи, его актуальности, а сейчас заметим еще одну важную особенность хессинских работ по методологии. Он постоянно настаивал на двух, часто «забывавшихся» даже в советские времена и почти полностью утраченных ныне тезисах.

Первый — необходимость постоянного тщательного исследования диалектической двойственности, внутренних противоречий производственных отношений и отражающих их экономических категорий, без чего нет и не может быть проникновения в сущность явлений, отображения их как живых, развивающихся процессов.

Второй — необходимость последовательно использовать в экономических исследованиях методы восхождения от абстрактного к конкретному и диалектического единства исторического и логического. Н.В. Хессин и Э.В. Ильенков, их коллеги-философы и политэкономы (среди последних обязательно упомянем А.И. Юдкина, хотя были и многие более молодые коллеги, ученики) вели по этим вопросам открытую полемику с В.А. Вазюлиным, В.П. Шкредовым, К.П. Троневым и другими весьма талантливыми учеными, игравшими заметную роль в развитии проблем метода. При этом Н.В. Хессин и его товарищи аргументированно настаивали на том, что метод восхождения

⁵ К сожалению, в коротком тексте нет возможности сколько-нибудь подробно остановиться на всех достижениях нашего учителя, поэтому здесь мы лишь упомянем то, что книга и статьи Хессина, посвященные ленинскому изучению товарного производства, чрезвычайно интересны не только как методолого-теоретические исследования, но и как фундаментальные работы в области истории экономической мысли (см.: *Хессин Н.В.* В.И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968).

от абстрактного к конкретному несводим к узко понимаемой гносеологии, что сама экономическая система развивается от своего простого состояния («клеточки») к все более и более сложному, что это развитие имеет свою логику, закономерности (в отличие от всего многообразия «зигзагов» особенной истории отдельных стран). Этот исторический подход к экономике, акцентирующий внимание на процессах генезиса отдельных производственных отношений, оказался особенно актуален сегодня.

Далее А.В. Бузгалин остановился на вкладе Н.В. Хессина в политическую экономию социализма и проблемах планомерности.

В частности, он сказал, что, пожалуй, наиболее спорными и одними из наиболее важных для нынешней науки являются *хессинские исследования по проблемам социализма*.

Политическая экономия социализма существовала на протяжении долгих десятилетий. Теперь политической экономии социализма как бы нет. И то, что она ушла в прошлое, является не просто констатацией факта, а вызовом для специалистов в области политической экономии. В этих условиях возникает вопрос: что для нас, ученых, осталось от этой науки? Этот вопрос должен решаться в достаточно широком контексте.

Начнем с некоторых предварительных замечаний.

Ниже мы постараемся отметить актуальность основных разработок Н.В. Хессина как одного из авторов, принадлежащих к кругу ведущих представителей так называемой «университетской школы». Между тем политическая экономия социализма существовала (пусть не имея тогда своего имени) еще в предсоветскую эпоху (в виде некоторых положений, обобщающих объективные тенденции рождения новой, посткапиталистической экономики); существовала и существует политическая экономия социализма, развивавшаяся вне мировой социалистической системы. В настоящее время на многих языках мира публикуются книги по экономической теории социализма (особенно часто дискутируемая тема «рынок и социализм»), велик поток работ на эту тему в Китае, Вьетнаме, на Кубе, в США. В странах Западной Европы эта тематика также достаточно широко представлена в печатных изданиях. Наконец, работы по экономической теории социализма продолжают вестись и публиковаться в современной России.

Все это составляет тот исторический и современный контекст, в котором живут работы профессора Хессина по политической экономии социализма. Свой анализ мы начнем с акцента на актуальность и краткой характеристики того, что является, на наш взгляд, наиболее важными достижениями нашего учителя в этой сфере, а затем обратимся к проблемам самокритики.

Утверждение о сохранении политической экономии социализма как актуальной для нашей современной теории области исследований имеет определенное значение по крайней мере в трех смыслах.

1. *Эта наука полезна и необходима для понимания природы экономики «реального социализма»* — той экономической системы, которая существовала в СССР и других странах мировой системы социализма.
2. *Эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом.*
3. *Она полезна и необходима для понимания природы трансформационной экономики.*

Обоснование этих тезисов следует начать с анализа так называемой «клеточки» экономической системы социализма. Именно здесь, в анализе Н.В. Хесси-

ным планомерности как исходного пункта историко-логического генетического развертывания системы отношений (и категорий политической экономики) социализма, лежит ключ к пониманию многих проблем и «реального социализма», и нынешних трансформационных процессов, и теоретической модели социализма будущего.

В работах Н.В. Хессина и его коллег по МГУ, как уже отмечалось, был сделан акцент на исходном пункте развития и исследования системы, так называемом «исходном производственном отношении» (или, в терминологии Хессина, «экономической клеточке»⁶), характеризующем взаимосвязь производителя и потребителя, форму продукта и определенную социально-экономическую форму труда. Университетская школа политической экономии предполагала, что для социализма такой «клеточкой» является планомерная форма связи производителя и потребителя, непосредственно общественный или непосредственно обобществленный (были разные трактовки) характер труда и соответственно такая же форма продукта.

Эта постановка оказалась на удивление важной для понимания природы экономической системы вообще. В самом деле, ход радикальных реформ, сломав старую систему, обнаружил ее структуру. Этот слом и логика либеральных реформ, как ни странно, показали правоту университетской школы политической экономии. Действительно, с чего начинались радикальные преобразования? С замены планомерности товарной системой отношений или с либерализации — лозунга, который повторяли все, в том числе и те, кто никогда не был знаком с университетской школой политической экономии.

Тем самым слом экономики советского типа и логика радикальных реформ волей-неволей повторили тезис о планомерности как «клеточке» социализма (на современный язык это понятие можно перевести как способ координации, аллокации ресурсов).

Под этим углом зрения можно взглянуть и на конкретные достижения Н.В. Хессина и его коллег по университетской школе в области политической экономии социализма, и прежде всего *планомерности*. Что показывала планомерность как исходная характеристика нашей предыдущей экономической системы? Она показывала, что эта система была плановой. Сколько бы мы ни спорили о природе экономики мировой системы социализма, сейчас для нас очевидно, что она в исходном пункте была именно плановой. И разработка (причем не только теоретическая, но и доведенная до практических рекомендаций) системы методов и форм народно-хозяйственного планирования при всех его противоречиях была одним из реальных достижений нашей теории.

Далее, эти исследования показали, хотя и в крайне идеализированной форме, что *плановая система обладает довольно сложной внутренней структурой*. Сегодня это принято забывать (до сих пор повторяется, что плановая экономика не жизнеспособна, потому что из одного центра нельзя спланировать двадцать миллионов видов продукции), хотя очевидно, что (1) это была иерархическая система планирования, включавшая много уровней; (2) планировалось производство только важнейших видов продукции; (3) эта система предполагала наличие договорных отношений и определенной самостоя-

⁶ Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его значение для политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1964. № 7.

тельности предприятий и т.п. Все это ранее было достаточно общепринятым, но ныне почти забыто. Сегодня забыто и то, что говорилось о необходимости создания определенной системы общественного контроля за органами централизованного планового управления, что в наиболее интересных разработках писалось об отношениях самоуправления на всех уровнях (от бригады до народного хозяйства в целом) и механизмах, обеспечивающих функционирование системы органов управления как представителя общества в целом, и т.п.

Что касается специфически хессинского вклада в разработку проблем планомерности, то помимо общеметодологической аргументации в пользу именно планового типа экономики как исходного, системного качества социализма нашим учителем было проведено немало других исследований.

Так, Н.В. Хессин акцентировал наличие различных, развивающихся и исторически и логически форм планомерности, выделив планирование как высшую, но не единственную форму этого отношения. К числу же исторически простейших форм он относил учет и контроль со стороны граждан, включая контроль за функционированием государственных органов (вообще следует заметить, что не столько в печатных работах, сколько в устных выступлениях, особенно неформальных, Николай Владимирович много и очень страстно говорил о проблеме бюрократической деформации планомерности в условиях реального социализма как реальной угрозе тогдашней системе изнутри). В работах наших ученых, и прежде всего нашего учителя, было показано, что плановая система не есть механическая конструкция, она возникла и развивалась как естественно вырастающий организм, начиная с простейших отношений учета и контроля до более сложных отношений планирования, и не сразу возникла как готовое целое.

Не менее важен был и тезис о противоречии централизма и самостоятельности как внутреннем противоречии планомерности. Вообще, системное раскрытие природы самостоятельности хозяйственных звеньев как собственного внутреннего для планомерности (наряду с централизованным управлением и низовым контролем) способа хозяйствования, отличного от обособленности производителей как черты товарного производства, следует, на наш взгляд, признать как одно из важных достижений профессора Хессина.

Возвращаясь к вопросу об актуальности исследования планомерности для сегодняшней науки и практики, заметим, что оно необходимо в наши дни для понимания экономики прошлого, но его можно использовать только при условии учета того, что это была идеализированная картина этого прошлого. Проникновение за покровы идеализации позволяет увидеть реальные черты нашей экономики: механизмы бюрократизма, планового фетишизма, блата, плановой сделки, ведомственности, местничества и многих других параметров. Они были описаны в рамках политекономии социализма сначала в 20-е гг., а потом вновь начали исследоваться в 1981—1982 гг., импульсом послужили как нарастающие проблемы экономического развития СССР, так и работы Я. Корнаи и других авторов. В этой связи нельзя забывать о том, что такие ученые, как профессор Хессин, еще в 70-е гг. указывали на многие из этих проблем, но не могли в силу особых цензурных условий говорить об этом прямо. Этот аспект крайне важен для понимания экономики нашего прошлого, реального осознания того, в какой мере и как развивалась система отношений планирования.

Обратимся к пониманию сегодняшнего дня. Видимо, в сегодняшней трансформационной экономике сохраняются элементы этих отношений, но вот вопрос: в каком виде? Этот вопрос необходимо поставить и поставить его как проблему сохранения бюрократических пережитков системы отношений централизованного управления: ведомственности, местничества, коррупции и т.д.

Есть еще вопрос, касающийся сегодняшнего дня. Указанные выше исследования Н.В. Хессина и его коллег показали, что кроме плановой и рыночной системы существуют и другие способы координации. В частности, в отличие от нынешней *main stream*, они не забывали о такой форме координации, как натуральное хозяйство. Для понимания анализа способов координации в переходной экономике выделение как минимум этих трех форм (а лучше бы и сложных переходных состояний) принципиально значимо. Более того, то, что в результате перехода от плана к рынку может появиться натурально-хозяйственная связь, теоретически можно было прогнозировать, но только в том случае, если мы понимаем историзм развития форм координации (форм связи производителя и потребителя).

С точки зрения значения исследования плановости для будущего надо учитывать, что здесь существует как бы водораздел. Для одних ученых есть рыночная экономика и только. Иными словами, для них характерен абсолютный внеисторизм и рассмотрение только рыночной системы, что есть аксиома, которая не подвергается сомнению. Точно так же, как единственной религией для человека Средневековья в Западной Европе было христианство (католичество), а все остальное рассматривалось как ересь, которая подлежит уничтожению, так и ныне господствует «маркетоцентрическая» ориентация экономической науки, рассматривающая все остальные подходы как вредную ересь.

Принятие во внимание исторического подхода вообще позволяет понять, что существуют и другие типы координации: дорыночные и пострыночные. Если мы ставим вопрос о том, что существует пострыночный способ координации, то хессинские исследования позволяют показать, что система рыночной координации в определенный период возникла, следовательно, можно предположить, что в определенный период она отомрет. Следовательно, мы можем поставить проблему: как взаимосвязана реальная практика нерыночной в своей основе экономики мировой системы социализма (и идеализирующая, но отражающая ее теория плановости) с будущей пострыночной координацией?

Уже сама по себе постановка этой проблемы существенно изменяет трактовку нынешней экономики. В частности, в этом случае правомерен вопрос: нерыночные механизмы координации, которые существуют сегодня в развитых экономических системах (такие, как государственное регулирование, регулирование со стороны общественных организаций, сложная интернациональная система нормативов в области труда, качества продукции, затрат, экологических ограничений и т.д.), — это лишь элементы рыночной системы в ее развитии или это зародыши нового пострыночного способа координации?

Все перечисленные выше компоненты (планирование и программирование, государственное регулирование при помощи прямых и косвенных методов, прямые отношения между фирмами, ориентированные на технологически устойчивые связи и социальные результаты, система интернациональных и общегосударственных нормативов и т.д.) политическая экономия социализма

(и, в частности, Н.В. Хессин) трактовала как черты новой формы связи производителя и потребителя, т.е. новой формы координации. Если эта трактовка принимается (или принимается хотя бы то, что *есть пострыночная форма координации*), то можно утверждать, что эти реальные черты сегодняшней экономики есть зародыши будущего пострыночного механизма связи производителя и потребителя, о которой немало было сказано по существу. Следовательно, многое из того, что говорил Н.В. Хессин о планомерности (выражаясь современным языком, о пострыночном способе координации), может быть использовано в процессе критического анализа рождающейся сегодня практики будущего.

Открывая обсуждение, **докт. экон. наук С.С. Дзарасов (РАН)** сказал, что наследие кафедры, и в частности, наследие Н.В. Хессина, ему безразлично. Иначе говоря, когда речь идет о Н.В. Хессине, все отходит на второй план.

Свои воспоминания С.С. Дзарасов начал с того, что нельзя оценивать однозначно деятельность такого человека, как Н.В. Хессин. Его считали «консерватором», «догматиком» в отношении политико-экономических воззрений. Но он критиковал недостатки политической системы, будучи своего рода «советским диссидентом». К тому же так называемый «догматизм» Хессина был догматизмом иного рода, нежели принято считать. Он опирался на честную, бескомпромиссную позицию, преданность своему делу — развитию политэкономической школы МГУ под руководством Н.А. Цаголова, отстаиванию подлинно научных принципов исследования, научно обоснованной позиции.

Н.В. Хессин рассматривал идеи подрыва товарного производства при капитализме. Монополия означает уже по сути несовершенную конкуренцию и отрицает конкуренцию, и из этого вытекает необходимость регулирования, требуется планомерность.

Видение социализма у Н.В. Хессина предполагало, как считает С.С. Дзарасов, понимание планомерности как всеобъемлющего начала, предполагающего и инициативность, и самостоятельность в самой ее основе. Обособленность у Н.В. Хессина была тождественна рыночности, товарности капиталистического характера и рассматривалась не как «благо», а как «зло». Она могла быть представлена в крайнем случае, как некоторая доля самостоятельности, дополняющая планомерность. Это, как считает С.С. Дзарасов, было основой для творческих дискуссий в рамках двух направлений политэкономов, условно называемых «товарниками» и «нетоварниками».

Вообще, как отметил С.С. Дзарасов, Н.В. Хессин вместе со своими коллегами внес большой вклад в развитие марксистской и общемировой экономической мысли. И его наследие требует серьезного изучения.

Характеризуя личные качества Н.В. Хессина, С.С. Дзарасов вспомнил такую историю. Где-то сразу после XX съезда КПСС, в период «оттепели», появились возможности для широких, в рамках тех идеологических норм, дискуссий, в том числе на экономическом факультете МГУ и на кафедре политической экономии. Они проходили на научных семинарах, где на равных с заслуженными профессорами, доцентами могли высказываться и студенты. На одном таком семинаре присутствовали С.С. Дзарасов и Н.В. Хессин. И так случилось, что во время обсуждения кто-то из студентов «перешел рамки дозволенного» и, выражаясь официальным языком того времени, «допустил антисоветские высказывания». Через некоторое время их обоих вызвали в партком, поскольку «поступил сигнал», а они были членами

КПСС. По тем временам это грозило серьезными карами, вплоть до «строгих выговоров и взысканий». И С.С. Дзарасов хотел «прикрыть» Н.В. Хессина, сказав, что всю вину за происшедшее он берет на себя и что Н.В. Хессина не было при этом. Однако сам Н.В. Хессин, уже находясь в кабинете парткома, неожиданно изменил «сценарий», сразу же взяв ответственность на себя. И только холодный пот, стекавший со лба Н.В. Хессина, выдал то, как нелегко ему это далось.

В целом Н.В. Хессина, как и любую выдающуюся личность, нельзя представлять односторонне, он был противоречив. Но от этого такой человек становится более ярким и неординарным в глазах его современников и потомков.

Канд. экон. наук А.А. Деленян (МГУ) отметил, что Н.В. Хессин стремился реализовывать свои теоретические воззрения на практике. Это было следствием фронтового опыта Н.В. Хессина, его стремления искать и побеждать. Например, когда представилась возможность проверить свои теоретические представления на примере Польши, он сразу же устремился туда.

К сожалению, одним из существенных недостатков советского образования в сфере обществоведения было глубокое разделение обществоведов на политэкономов капитализма и политэкономов социалистического направления. Теоретики социалистического направления по определению должны были в основной своей массе находиться внутри социалистических стран и изучать предмет по месту нахождения, что соответствовало специализации ученых, но не давало возможности формирования широкого кругозора. Подобная специализация имела лишь одно преимущество: прагматичная публика со связями преимущественно устремлялась в капиталистический сектор, справедливо рассчитывая на выезды за рубеж.

Н.В. Хессин совершенно сознательно принадлежал к цаголовской школе политической экономии. М. Блауг совершенно справедливо указывает, что в науке, как правило, не бывает отдельных исследователей, спорят друг с другом отдельные направления. О том, что конструктивно-критическое направление в политической экономии социализма возглавлялось именно Н.А. Цаголовым, свидетельствовала прежде всего география участников конференций кафедры политической экономии экономического факультета МГУ. Исследователи самостоятельно приходили к выводам, близким к цаголовским, и искали возможности высказать их. С этой точки зрения догматизм всей системы политической экономии социализма определялся тем, что вывод о построенном социализме был вне пределов прямой критики. Он был сделан ненаучно, но в дальнейшем воспроизводился, несмотря на все оттепели и перестройки. В науке не должно быть объектов, воспринимаемых некритически. Этот постулат марксизма и обществознания вообще не затрагивал предмета политической экономии социализма. Именно поэтому догматика присутствовала и в цаголовской школе политической экономии.

Точка зрения Н.В. Хессина о «неполной планомерности» при капитализме как о «непланомерности» также характерна для него. Вывод правильный в том смысле, что совокупность элементов планомерности не перерастает в новую целостность до тех пор, пока власть остается частной. Сама эта новая целостность всегда подчинена реализации определенных целей. При капитализме она по определению остается частной. Почему некоторых исследователей маржинализма, кстати говоря, также не устраивал капитализм? Они тоже предпочитали бороться с капитализмом на словах, просто отрицая его суще-

ствование. Формула «капитализма уже нет» есть «страусиная позиция засовывания головы в песок», чтобы не встречаться с реальностью. Интересно, что лучшие побуждения социалистов отмечал и А. Маршалл: «стремления у них хорошие».

Н.В. Хессину не повезло в том смысле, что он не видел, как обстоит дело на практике в ведущих зарубежных «капиталистических» странах. Трудно говорить за других людей, но, возможно, ему пришлось бы пересмотреть свои выводы и относительно возможности существования «полной плановости в отдельно взятой социалистической стране». Можно ли говорить о трагичности подобного заключения? Это зависит и от того, кто делает заключение. Он привык искать и побеждать на фронте и переносил эту манеру поведения «на гражданку». Н.В. Хессин на фронте был разведчиком.

То, что обнаружил Н.В. Хессин в Польше в 80-е гг., конечно, было продолжением реализации плановости. Вот только во взаимоотношениях с плановостью не получилось простого оттеснения товарности. Наоборот, товарность продемонстрировала нелинейный характер своего развития. Одно дело — декларировать положения о диалектичности, другое дело — встреча с практикой диалектики. Нелинейный характер развития элементов товарности может не совпадать с развитием капиталистических элементов. В современный период усиление элементов капиталистического способа — реальный факт. Подобного рода диалектики на практике все больше, что характерно для переломных периодов истории.

При обсуждении говорилось о советской модели строительства социализма. Она может быть рассмотрена и как практическое дополнение к работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», именно как третий путь развития капитализма в дополнение к прусскому и американскому вариантам. Если американский путь развития предполагал широкую опору на общественные механизмы, что продолжало дело демократов — создание нового качества — американского народа, то прусский путь требовал более решительного воздействия государства: времени оставалось все меньше, и власть могла совсем ускользнуть из рук юнкерского класса. Поэтому методы кнута и пряника при условии, что реформы будут проводиться помещиками и для помещиков, — вот краткая формулировка германского пути.

Часто, сравнивая индустриализацию советского периода и столыпинскую реформу, отмечают идентичность целей и методов воздействия государства. С этим фактом спорить не приходится. И неудивительно, что в результате войны производительные силы были сильно подорваны, а все реформы всегда могли осуществляться только «за счет народа». Что же здесь появилось нового?

Третий путь, реализованный в СССР и до сих пор реализуемый в Китае, означал невозможность игнорирования революционных действий народа. Это народ сделал невозможным помещичий способ индустриализации. Новым явлением была советская власть. Она представляла собой слабую форму организации, легко подчиняемую почти всякому политическому диктату, но и легко, почти бескровно позволяющую перейти к такой системе социальной и хозяйственной организации, которая покажется на самом деле более удобной населению. В этом отношении новое качество — советский народ — действительно было создано в СССР. Н.В. Хессин понимал, что цель, соответствующая сути социализма, должна характеризовать новое качество населения и его самореализацию. Обычно при этом кивают на демокра-

тию, не замечая, что советская власть также была вполне демократической. Именно это явилось причиной демонтажа советской власти «демократами». Они власть отдавать не собирались. Дело не в том, что две «демократические» формы власти не могут сосуществовать. В Европе они сосуществуют, разделяя сферы своего влияния. Дело в самой власти. Революционный характер власти всегда оставляет возможность революционного передела. Именно этот передел и был невостребован политической элитой не только России, всего СНГ.

Попытки социалистического переустройства общества не начались и не закончатся советской властью. Так, идеи произведения Т. Кампанеллы «Город Солнца» вдохновили иезуитов на строительство христианского социализма в Парагвае. Утопия в конечном счете провалилась, но концепция естественных прав, созданная именно тогда, в современный период является элементом современной демократии. То, что бродит по Европе, давно не призрак.

Канд. экон. наук А.М. Белянова (МГУ) вступила в дискуссию с С.С. Дзарасовым относительно его высказываний о Н.В. Хессине. Очевидно, сказала А.М. Белянова, что С.С. Дзарасов, признавая большие заслуги профессора Хессина в области истории экономической мысли и политической экономии, не может не согласиться с тем, что он пытался осмыслить положения классиков в контексте целостного их видения закономерностей мирового экономического развития. Ни одно положение он не принимает без доказательства его научной верности. Он учил очень бережно относиться к наследию классиков экономической науки, был непримирим к попыткам необоснованных интерпретаций их положений. Но это не тождественно догматизму.

Известно, какое внимание уделял Н.В. Хессин методу исследования экономических систем, возможности применения метода К. Маркса к изучению производственных отношений социализма. Его лекции и работы по проблемам методологии не были направлены на утверждение каких-либо догм, а давали пищу для размышлений, заставляли вновь обращаться к первоисточникам, позволяли вырабатывать свою собственную точку зрения, не всегда совпадающую с хессинской. Достаточно вспомнить методологические семинары по поводу системы «Капитала» К. Маркса и тот научный суд, который не только привлек внимание широкой экономической общественности к «Капиталу», но и послужил основанием для углубленного погружения в методологические проблемы. Сами методологические семинары тех лет являлись превосходной школой для аспирантов и преподавателей не только кафедр политэкономии, но и других вузов.

Выступления Н.В. Хессина по поводу товарно-денежных отношений со старым и новым содержанием, сочетания плана и рынка, различий хозяйственно-оперативной самостоятельности и экономической обособленности и многого другого представляются небезынтересными для сегодняшнего дня. В связи с этим можно вспомнить высказывание А. Маршалла о том, что умственные способности исчезают со смертью человека, но система научного познания остается.

Н.В. Хессин достоин уважения и как преподаватель, и как организатор учебного процесса. К любой работе он относился так ответственно, так неравнодушно, что это давало большую отдачу. До сего дня вспоминаются семинары, которые вел профессор Хессин еще в самом начале своей педагогической деятельности. Это всегда были замечательные лекции и по содержа-

нию и по форме. Сначала его жизнь была отдана, когда он защищал страну, Родине, а потом — экономической науке. Экономическая наука на самом деле захватила Н.В. Хессина полностью, хотя у него было много талантов: он великолепно рисовал, хорошо играл в шахматы. На заседаниях кафедры всегда можно было подсмотреть, как он рисовал. Кафедре повезло, что на протяжении многих лет среди нас был такой замечательный человек и ученый.

Докт. экон. наук А.И. Колганов (МГУ) в своем выступлении коснулся известного *спора о планомерности и товарном производстве при социализме*. Здесь Н.В. Хессин был известен как один из наиболее последовательных и активных сторонников нерыночной природы социализма и критиков идей «рыночного социализма». Ныне принято считать всех сторонников планомерности апологетами «генеральной линии ЦК КПСС», но в действительности ситуация была иной. Н.В. Хессин, в отличие от лукавствовавших сторонников неопределенно-умеренных взглядов, пытавшихся примирить социализм и рынок, открыто называл вещи своими именами, показывая, что рыночные элементы можно и должно использовать в определенной мере и в новом обществе, но как подчиненный элемент плановых начал, ибо социализм и рынок противоположны. Н.В. Хессин доказывал, что развитие обособленности производителей и других рыночных начал вызывает дифференциацию, порождает товарный и денежный фетишизм и т.п. По мнению профессора Хессина, товарные отношения использовать можно и должно, но, во-первых, понимая, что они могут быть очень опасны, контролируя их, и, во-вторых, постепенно вытесняя их собственное содержание новым и сохраняя от товарных отношений только форму. Это был «позитивный догматизм», защищающий марксистский метод от «протаскивания контрабандой» под флагом «новых концепций» откровенно ненаучных, антимарксистских идей. Этот взгляд противоречил официальной линии, в соответствии с которой все, что было в СССР, включая и рыночные начала, беспрепятственно объявлялось социалистическим. И в результате наш учитель стал таким же «диссидентом», как и «товарники» (только Хессина, в отличие от Лисичкина и К°, обвиняли в чрезмерной левизне).

На первый взгляд те споры уже в далеком прошлом. Однако это не совсем так. По большому счету Н.В. Хессин и его товарищи, акцентировавшие противоположность плана и рынка, оказались правы: не случайно разрушение плановых начал стало первой задачей реформаторов-рыночников: они точно выбрали первый объект атаки. Н.В. Хессин никогда не отказывался от своего критического отношения к рынку и подчеркивал это, наблюдая, в частности, кризисные процессы в Польше начала 80-х гг. и выступая не за консервацию старой системы, а за иной, демократически-плановый путь развития экономики наших стран. Все это еще раз позволяет нам говорить о *последовательной и бескомпромиссной позиции Николая Владимировича как ученого и гражданина*.

Докт. экон. наук К.А. Хубиев (МГУ) свои воспоминания о Н.В. Хессине начал с того, что отнес его к числу самых ярких и талантливых ученых и педагогов кафедры политической экономии экономического факультета, ведущих экономистов МГУ. Безусловно, Хессин был в числе лидеров школы Цаглова. Кстати, едва ли следует говорить о «школе Хессина». Характеризуя суть научной школы, выделяется ряд критериев и признаков, важнейшим из которых является самодостаточность научного направления как в методе-

логии, так и в теории. Едва ли следует дробить цельную школу по числу ее лидеров.

Научное наследие Н.В. Хессина чаще ассоциируется с вопросами товарного производства при социализме, планомерности. Это отразилось и на названии научного семинара «Рынок и план в современной экономике». Но не следует забывать и о том, что он был крупным методологом. Более того, теоретические конструкции опирались на прочную методологию. Исключительную популярность имели работы по «экономической клеточке», «историко-генетическому методу», соотношению собственности и системы производственных отношений. Об этом следует вспомнить и потому, что после некоторого безвременья интерес к методологии постепенно возрождается. Причем к ней потянулись представители конкретных дисциплин и молодежь. В новый учебный курс включен спецкурс «Методология организации научных исследований».

Вопрос о плане и рынке несколько отодвинут в последнее время по соображениям отнюдь не научного порядка. Актуальность данной проблемы, если не иметь в виду административно-директивное планирование, сохраняется. Материально-экономической базой для серьезных разработок в области стратегического планирования являются интенсивные процессы обобществления в развитых странах, процессы глобализации и иные факторы. Экономическая наука прекратила исследования обобществления, между тем резко возросла технологическая, информационная и иная взаимозависимость между отраслями, сферами и отдельными фирмами. Применение технологий повышенной опасности, имеющих диверсифицированное проникновение, также усиливает развитие общественного характера производств. Все это требует стратегического планирования развития экономики. Если добавить к этому тщательную закольцованность экономики информационными технологиями, финансовыми рынками, то актуальность разработки современных форм планирования и контроля трудно будет отрицать. Для России этот вопрос имеет особую актуальность. Она должна определиться в стратегии своего развития и последовательно ее достичь. Иначе она будет подчинена исторической логике реализации чужих стратегий, что, собственно, сейчас и происходит. России рекомендуется либеральная экономическая идеология с наименьшим вмешательством государства в экономику. Между тем в странах происхождения этих рекомендаций разрабатываются прогнозы, программы и даже планы энергетической, продовольственной, военной и иной безопасности. А так называемая защита национальных интересов во всех точках земного шара — яркая демонстрация реализации стратегических планов.

Вопрос о соотношении плана и рынка для России должен решаться, по нашему мнению, следующим образом. Страна должна определиться со стратегией опережающего развития, под нее разрабатывается стратегический план. Для его реализации используются разные методы по критерию наибольшей эффективности достижения стратегических, тактических и промежуточных целей. В противном случае России грозит перспектива инертного затворения в бушующих волнах реализации чужих стратегий.

Докт. экон. наук Ю.М. Осипов (МГУ) отметил, что Н.В. Хессин был сыном своего времени — времени господства в великой стране, построившей за кратчайшие сроки самобытную, небывалую ранее цивилизацию — анти-экономическую, материалистической и атеистической идеологии марксизма, покрывавшей все сознательное бытие. Профессор Хессин, учившийся в

славное послевоенное время, не только чистосердечно воспринял марксизм и созданную вроде бы в соответствии с его идеями цивилизацию, но и стал верным носителем царствовавшей идеологии, ее актуальным разработчиком, как и непреклонным адептом выросшей внезапно и развивавшейся активно новой цивилизации. Конечно, Н.В. Хессин не был настолько наивным, чтобы не видеть в окружающей его действительности многое, что никак не могло его, гуманиста, устроить. Однако Н.В. Хессин, как и многие его современники, принимал это либо, как принято сейчас говорить, за естественный шум в системе, либо за неизбежные при рождении нового мира искажения, во всяком случае, за что-то, что подлежало, конечно же, непременному преодолению.

И случилось так, что в момент своего выхода на большую ученую арену, когда общественность страны бредила рыночной, а по сути экономической реформой, вполне натурально угрожавшей новой, называвшейся социалистической цивилизации, которая, повторим, была антиэкономической, т.е. нетоварной, неденежной, некапитальной, нефинансовой, хоть и использовала экономические формы и механизмы, но в подчиненной, вспомогательной, дополнительной роли, Н.В. Хессин, будучи высокопрофессиональным политэкономом, вдруг выступил в явно консервативном облике, защищая новую, уже к этому моменту и попавшую в кризис, как бы уже и устаревшую планово-административную систему — систему неэкономического в основе своей хозяйства.

Прав ли был Н.В. Хессин — этот умный, добросовестный и крайне искренний ученый? На этот вопрос ответить весьма непросто, тут даже и время прошедшее не особенно помогает. И все-таки ясно, что Н.В. Хессин был вполне прав, характеризуя бытовавшую тогда систему хозяйства в основе своей как нетоварную. И не надо сегодня приписывать Н.В. Хессину некую «товарность», ибо он прекрасно видел, что товаров не было или почти не было при господствовавшей системе хозяйства, что хозяйствующие субъекты по преимуществу были нетоварные, что товарность не могла полноценно сочетаться с тотальной плановостью и всеобщей административностью, хотя, разумеется, он хорошо понимал, что товарность все время о себе заявляет и стремится пробить себе дорогу. Н.В. Хессин также достаточно хорошо сознавал, что товарность — последовательный противник, а вовсе не сотоварищ планово-административной системы, что она есть прямая угроза принятой им умом и сердцем новой цивилизации. Видя недостатки, если не пороки существовавшего при нем хозяйства, он искал пути усовершенствования этого хозяйства, но в его и только в его пределах, т.е. на путях неэкономического, а по-хессински, нетоварного преобразования антиэкономического способа хозяйства. Всецело преданный социализму и последовательно отвергавший капитализм, Н.В. Хессин не мог изменить планово-административной системе, или, выражаясь абстрактно, планомерности, совершенно справедливо полагая, что движение к товарности, т.е. к полноценной экономике, есть движение от социализма к капитализму, чего он очень не хотел, а поверить в ту же идею рыночного социализма он никак не мог, видя в ней более всего орудие возврата к капитализму.

Мы видим, что профессор Хессин был во многом и по-своему прав. И оставался, по мнению многих, ярым «планомерщиком», «консерватором» и чуть ли не «догматиком». В нереалистичности упрекнуть Н.В. Хессина нельзя, как нельзя упрекнуть его и в какой-то легковесности. Все у него было

тщательно продумано, хорошо выверено, обосновано и прочно скомпоновано. И все же что-то было не так, ибо планово-административная система все более втягивалась на хессинских глазах в кризис (как сейчас принято говорить — системный кризис) и давала все более серьезные сбои. Н.В. Хессин это прекрасно видел и искал спасения на пути демократизации нетоварной системы хозяйства, не допуская, конечно же, возможности какой-либо демократизации товарного, рыночного или же просто экономического порядка. Наверное, в намечаемом Н.В. Хессиным преобразовании был силен утопический мотив, но что мог еще предложить верный адепт социалистической идеи? Можно сказать: Н.В. Хессин оказался в тупике, но не в тупике самого Хессина как ученого, а в историческом тупике самой действительности. Очень не хотелось Н.В. Хессину соскальзывать в болото исторической необходимости, утверждавшей, что капитализм — естественнее для человека, что ориентация на деньги и их господство эффективнее ориентации на нетоварное благо, что... и т.д. и т.п. Н.В. Хессин предпочел оставаться на давшем течь планово-административном корабле, чем перескакивать скоренько на новенький товарно-рыночный кораблик.

Заслуживал ли профессор Хессин упрека за свою недальновидность? Тут возможен любой ответ: да, так как оставался в стане затем реально проигравших, нет, ибо в его убеждениях была большая доля правды как истины и как справедливости.

Здесь требуется одно пояснение. В начале 1980-х гг. профессор Хессин провел целый год в Польше, уже возбужденной «Солидарностью» и подпавшей под военное положение, введенное генералом В. Ярузельским. Из Польши Н.В. Хессин вернулся другим человеком, а может, и другим ученым, так как что-то ему стало понятным такое, о чем он, находясь в СССР, и не думал. Судя по его отчетному выступлению на кафедре, он вдруг понял, что проблемы социализма и планово-административного хозяйства, весьма зараженных, как бы сейчас сказали, тоталитаризмом, гораздо серьезнее, чем ему это ранее представлялось. У нас нет достаточных оснований утверждать, что Н.В. Хессин стал вдруг сторонником «Солидарности» и рыночного социализма, но что-то важное с ним тогда произошло, во всяком случае, если мне не изменяет память, он выступил за глубокий пересмотр им и всей политэкономией социализма наработанного. А такое признание и такое заявление многого стоит!

Но вскоре случилась беда, профессор Хессин был вынужден оставить из-за тяжелой болезни активную преподавательскую и научную деятельность, а потому, вынужденно вмиг замолчав, не смог раскрыть того, что осенило его в Польше и что он нам хотел поведать. Так и остался профессор Хессин в истории отечественной политэкономии консервативным защитником планово-административной системы, вовсе им горячо и не любимой, а бывшей всего лишь предпочитаемой им альтернативой действительно нелюбимому капитализму. Во многом Н.В. Хессин был прав, но кое в чем, пожалуй, что и нет, но не потому, что сильно заблуждался, а потому, что очень ему не хотелось погружать себя в товарно-капиталистическое бытие. Цивилизации торгашей Н.В. Хессин упорно предпочитал цивилизацию героев!

Я был младшим коллегой Николая Владимировича. Когда он был уже доктором и профессором, я был всего лишь ассистентом. И хотя целое десятилетие мы проработали вместе на одной кафедре, я не стал близким ему человеком: у Николая Владимировича были другие, соответствующие его

возрасту друзья. Но кое-что меня все-таки прочно связало с Николаем Владимировичем, конечно же, в науке. Я был, наверное, первый, кто провозгласил печатно еще в 1966 г. тезис о планомерном характере послевоенного капитализма, что было с удовлетворением встречено на кафедре политэкономии, где я еще, правда, не работал. Этот же тезис я развил позднее в своей кандидатской диссертации, посвятив ему первую главу (а писал я диссертацию по теме «Государственное программирование капиталистической экономики»). Но что-то меня все-таки беспокоило, была какая-то неуверенность в правильности сделанного мною вывода. И я решил обратиться к Николаю Владимировичу, кстати, когда-то ведущему в нашей студенческой группе занятия по «Капиталу» К. Маркса, за советом. Я попросил прочитать первую главу диссертации. Николай Владимирович охотно согласился и внимательнейшим образом ознакомился с текстом. Я, вообще-то говоря, ожидал поддержки моего главного тезиса, меня волновала лишь убедительность принятого мною обоснования. Николай Владимирович высказал сначала общее одобрение, потом стал неторопливо рассуждать и в какой-то момент, который как раз и стал моментом истины, после некоторой паузы вдруг неожиданно бросил: «И все-таки это не планомерность!» И тут-то мне все стало ясно: это была действительно не планомерность! Где-то в глубине сознания я это ощущал, но умом еще не признавал, а тут все мгновенно прояснилось. Я сразу же согласился с Николаем Владимировичем, который, надо заметить, слыл ведь «планомерщиком» и вроде бы очень был заинтересован в тезисе о планомерном характере современного капитализма: раз уж там планомерность, то у нас и подавно! И вот я, воодушевленный случившимся моментом истины, переделываю первую главу диссертации, выдвигая и защищая тезис о непланомерном характере капитализма. Диссертацию я защитил, благо это происходило на кафедре экономики зарубежных стран, на которой я и подготовил диссертацию под научным руководством профессора М.С. Драгилева. А на кафедре политэкономии, руководимой профессором Н.А. Цаголовым, у меня возникли затем, постепенно усиливаясь, немалые сложности, но от непланомерного тезиса я уже никогда не отказывался.

Вот такую неожиданную роль сыграл профессор Хессин в моей научной жизни. Велика была научная добросовестность Николая Владимировича: планомерность-де ему, конечно, подруга, но истина дороже! И здесь мне хотелось бы подчеркнуть выдающуюся политэкономическую чуткость Николая Владимировича, ту самую чуткость, которой одарены бывают очень немногие — единицы! Мало знаний, мало эрудиции, даже мало обозрения действительности, необходима еще интуиция, договаривающаяся с неясным, невидимым, неясным. Николай Владимирович был замечательным политэкономом, особенно чутко воспринимавшим политэкономическую материю. Конечно, он был, как я уже заметил, сыном своего времени, его достаточно поглощал марксизм, бывший к тому же официальной идеологией. Н.В. Хессин не смог стать в полном смысле слова самобытным мыслителем, да этого тогда бы никто и не допустил, как, кстати, не допускают и сегодня. Нет и не может быть в России никаких самостоятельных мыслителей-гуманитариев, но Н.В. Хессин был, безусловно, одним из лучших политэкономов послевоенной формации.

В судьбе Н.В. Хессина проявились, на мой взгляд, три сошедшиеся воедино трагедийные линии: первая — от невозможности использовать свой природный и благоприобретенный потенциал на самостоятельной стезе

(хотя, быть может, сам Николай Владимирович себя очень уж самобытным ученым и не видел, вполне довольствуясь ролью верного марксиста, даже и ленинца, кто знает?); вторая — от факта кризисного несоответствия защищаемой Н.В. Хессиним действительности его — Хессина — человеческим и научным чаяниям; третья — от случившейся болезни, не позволившей Н.В. Хессину сказать то, что мог бы сказать он в конечном итоге.

Что ж, Николай Владимирович много и плодотворно работал, имел достойных учеников, среди которых и такие известные ныне ученые, как А.В. Бугалин и А.В. Колганов, — и в основной период творческой жизни он, наверное, был вполне счастлив. Социалистическая действительность, к сожалению, не оправдала всех его гуманных надежд и его настойчивой ее апологии. Болезнь оборвала искренний творческий путь. Что-то навсегда осталось тайной, хессинской тайной, но разве не тайной — страдательной тайной! — является творческая жизнь каждого крупного таланта, в особенности российского?

В ходе своего выступления **студентка экономического факультета И.Г. Левина (МГУ)** обратила внимание на то, что Московский университет всегда был и остается особым местом: это пространство, в котором есть уникальная возможность вести диалог — между учеными, между учителями и их учениками, диалог, не знающий временных границ. И кафедра политической экономии времен Николая Владимировича Хессина была уникальна в этом отношении: это был один из самых ярких примеров этой традиции. Сейчас, к сожалению, на наших глазах существует реальная угроза — угроза ее разрушения. Левина отметила, что в ходе семинара не раз говорилось о догматизме профессора Хессина. Можно по-разному относиться к догматизму, можно признавать или отрицать его существование, но при этом ясно одно: на кафедре существовала научная школа. И это важно уже само по себе, особенно в свете того, что традиция научного поиска, анализа феноменов на сущностном уровне, а не только лишь на уровне явлений утрачивается. И парадокс, который может обернуться трагедией, состоит в том, что это происходит на фоне обострения, усложнения реальных противоречий современной нам социально-экономической системы, что делает особо важным анализ их сущности, содержания, того, что выходит за пределы исключительно функциональных связей. И в этой связи хотелось бы подчеркнуть особое место и роль методологии в научном поиске, которая всегда была его активным элементом, но которая занимает все меньше места в современной экономической теории. Это отражается и в практическом отсутствии соответствующих дисциплин в учебном плане, и в общем пренебрежении к методу современного студента. При этом наследие профессора Хессина и его коллег — генетический метод, позволяющий описывать историко-логическое развертывание феноменов и показывать не просто результат, но результат в его становлении, мог бы быть очень важным при анализе явлений на сущностном уровне.

В заключение И.Г. Левина отметила, что сегодня как никогда важно сохранять, а точнее сказать, возрождать лучшие традиции университетской школы политической экономии, поскольку нельзя допустить, чтобы наследие современных нам ученых было утрачено и забыто, чтобы цепочка преемственности на этом оборвалась.

Канд. экон. наук И.Е. Гумаргалиев (МФЮА) в своем выступлении отметил, что его поколение, вступившее в учебную жизнь на рубеже начала 90-х гг.,

оказалось под влиянием новой конъюнктурной волны, которая характеризовалась некритическим отношением к либеральным экономическим теориям в виде облегченного восприятия Economics'a. И поэтому та политическая экономия, которая сохранила достижения мировой и отечественной экономической мысли и которую преподавал Н.В. Хессин, его коллеги и ученики, пробивалась через тернии «неформальных» запретов. Они не были идеологическими или бюрократическими, а скорее, косвенно-экономическими.

И здесь надо отметить учеников Н.В. Хессина, прежде всего А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, К.А. Хубиева, З.А. Грандберг, А.М. Белянову, Р.Т. Зяблюк и других профессоров и преподавателей кафедры. Они в непростых условиях сохраняли и по возможности восстанавливали наследие школы политической экономии МГУ, которую создавал в том числе и Н.В. Хессин. Следование всестороннему анализу фактов, историчности восприятия сущностных черт отличает всех его учеников.

И.Е. Гумаргалиев также отметил, что в спорах «товарников» и «нетоварников» содержалось значительное рациональное зерно, в том числе и с позиций сегодняшнего дня. Это было своего рода «искусством дипломатии», «интеллектуальной борьбой разведки и контрразведки в рамках одной системы». «Товарники» были правы в той исторической конкретике, понимая, что невозможен отлаженный плановый механизм в условиях недостаточного развития и обобществления производительных сил, без соответствующего дополнения. С другой стороны, «нетоварники», и к ним можно отнести Н.В. Хессина, считали, что плановый механизм во многом качественно уникален и «требует особых условий развития». Впоследствии отрицание такого подхода, «от противного», доказало исходную правоту тезиса «нетоварников». Это подтверждает и дальновидность позиций Н.В. Хессина.

В заключение И.Е. Гумаргалиев отметил актуальность воззрений, высказанных Н.В. Хесиным относительно размывания товарного хозяйства через опыт в рамках крупных корпоративных структур, а также изменения форм планирования с учетом развития современных информационных технологий. Это является доказательством того, что школа политической экономии, ярким представителем которой был Н.В. Хессин, должна иметь свое будущее.

Канд. экон. наук З.А. Грандберг (МГУ) в своем выступлении сказала, что считает необходимым отметить, что Н.В. Хессин был выдающимся ученым-политэкономом, внесшим большой вклад в развитие советской экономической мысли и, безусловно, игравшим одну из ведущих ролей в создании научной школы МГУ, известной как школа Н.А. Цаголова, а также в создании новаторского фундаментального двухтомника «Курс политической экономии». Н.В. Хессин занимал бескомпромиссную и всегда четко обосновывавшуюся им позицию в дискуссиях по важнейшим проблемам развития экономической теории и самой экономической системы в нашей стране.

Наиболее важной и острой в 60—70-е гг. была проблема сочетания плана и рынка в различных социально-экономических системах, и прежде всего при социализме. На нынешнем переломном (переходном!) этапе в России и в мире в целом эта проблема не только не утратила своей актуальности, но и по ряду аспектов становится и в теоретическом и в практическом отношении едва ли не самой важной. Поэтому не только по соображениям благодарной памяти к замечательному ученому, но и в силу того, что наука не начинается каждый раз с чистого листа, тем более когда она снова и снова сталкивается

с проблемами, стоявшими и перед нашими предшественниками, обращение к теме «Рынок и план в современной экономике», в том числе и в контексте сделанного в науке Н.В. Хессиным, можно считать очень уместным и своевременным.

Истоки тех радикальных социально-экономических преобразований, которые произошли в нашей стране в последние два десятка лет, а также принципиальные различия в определении направлений современной российской экономической политики, ее стратегии и тактики берут свое начало в дискуссиях 60—70-х гг.

Проблема соотношения плана и рынка в экономической системе социализма в те годы своим закономерным подтекстом имела соотношение социализма и капитализма, этих двух соревнующихся и противоборствующих систем. Это прекрасно осознавалось сторонниками позиции школы Н.А. Цаголова. А сама эта позиция обосновывалась методологией политэкономического исследования, разработанной К. Марксом применительно к исследованию капиталистического способа производства. С позиции этой методологии сущность социализма как низшей (первой, неразвитой) фазы коммунистического способа производства характеризуется коренными отношениями (объективными законами этого способа производства), принципиально отличающимися от экономических законов (отношений) капитализма. В ряду этих отношений для социализма роль исходного, определяющего действие основного экономического закона играет закон планомерности (подобно тому, как товарные отношения, ставшие всеобщей формой, и товар как исходное отношение, «клеточка» лежат в основе системы капитализма). Таким образом, в определение *сущности* социализма рынок никак не может быть включен, и в этом смысле понятие «рыночный социализм» ложно по определению. (Интересно, что Я. Корнай по тем же, но с противоположной стороны соображениям, защищая капитализм, также отвергал возможность «рыночного социализма».) На самом деле признание социализма рыночным (или стремление сделать социализм рыночной *системой*) означало поворот вспять — к утверждению в нашей стране капитализма. Отсюда та острота, которую приобрели в истории нашей науки дискуссии 60—70-х гг.

Может быть, не все сторонники рыночного социализма осознавали такую опасность, но теперь они могут на практике убедиться в истинности позиции ученых, принадлежавших к школе Н.А. Цаголова. Реформы, начатые в 90-е гг., стыдливо (или фарисейски) названные «рыночными», на самом деле были реформами, сокрушавшими коренные основы социализма — планомерное регулирование экономики в первую очередь — и тем самым открывавшими путь к утверждению капитализма. Здесь можно, кстати, заметить, что и позиция по другому дискуссионному вопросу — вопросу о социалистической собственности на средства производства как исходном и основном отношении социализма (с чем не были согласны университетские политэкономы) — также не выдержала проверки временем. Движение к капитализму в современной России обеспечивалось не одной только политикой приватизации и тем более не путем одnorазовых мер, но и путем радикального преобразования всей системы социалистических отношений, и в первую очередь отказом от планомерности в развитии народного хозяйства, что и ввергло страну в состояние глубокого и затяжного экономического и социального кризиса. Народно-хозяйственная планомерность, будучи исходным отношением, предопределяла и высшие цели развития советского общества, его основной

экономический закон — максимально возможное удовлетворение постоянно растущих потребностей и всестороннее развитие всех членов общества. Конечно, возможности для реализации этой цели в силу ряда исторических условий были невелики. Но сам факт приоритета социальных программ, реализовавшихся посредством общественных фондов потребления, подлинное социально-экономическое равенство, заключавшееся в равном доступе к стартовым условиям развития человека (бесплатному здравоохранению, обязательному среднему образованию, защите детства и т.д.), является доказательством того, что социализм по его природе противоположен системе капитализма, в чем на практике вновь и вновь нам приходится убеждаться. (Попутно можно заметить, что подрыв устоев социализма начался с создания и достаточно широкого распространения в СССР в годы застоя системы всякого рода привилегий, но это особая тема.)

Н.В. Хессин своеобразным способом отстаивал позицию, признающую несовместимость планомерности как *объективного* экономического закона социализма и господства рыночной *системы*: он считал, что рынок и товар при социализме, хотя они и вполне реальны, имеют свое, принципиально отличное от капитализма содержание. С таким пониманием Н.А. Цаголов согласен не был: он полагал, что товар есть товар, а рыночные отношения есть рыночные отношения независимо от того, в какой социально-экономической системе они существуют.

Следует еще раз подчеркнуть: главным в позиции школы Н.А. Цагорова было, на мой взгляд, признание того, что как социально-экономические системы социализм и капитализм принципиально отличны и это отличие проходит прежде всего на уровне коренных отношений. Однако отсюда не следует, что в реальной экономической системе социализма невозможно существование и, более того, сознательное использование в механизме социалистического хозяйствования товарных отношений, закона стоимости (в развитии хозрасчета прежде всего). В этом смысле Н.А. Цаголов, его сторонники и ученики отнюдь не были противниками рыночных отношений. Более того, в последнем, третьем издании «Курса» само определение «рыночные отношения при социализме» было заменено на определение «отношения товарного *производства*». Тем самым Н.А. Цаголов хотел подчеркнуть, что эти отношения не только вполне реальны, но они могут и должны существовать на уровне производства, а не только как явления колхозного рынка с его достаточно свободным движением цен и действием закона спроса и предложения.

Из признания возможности существования отношений товарного производства в социалистическом обществе вытекало, что в экономику страны должны были активно включаться денежные механизмы, например система возмещения затрат хозрасчетных предприятий их собственными результатами и заинтересованности в превышении результатов над затратами, т.е. в получении прибыли. В этой связи большую роль могло бы сыграть появление рынка средств производства (товарно-сырьевых бирж), что в известной мере развязало бы самостоятельность, активность хозяйствующих субъектов. Такого рода предложения неоднократно высказывались на Всесоюзных и международных научных конференциях, организованных кафедрой политической экономии экономического факультета, и резолюции этих конференций регулярно направлялись в высшие партийные и хозяйственные органы страны. Из сказанного следует, что «нетоварная» и якобы догматическая позиция

школы Н.А. Цаголова ничего общего с действительностью не имела. И не ученые МГУ несут ответственность за то, что руководство страны не принимало к сведению предложений, направленных на преодоление застойных явлений в советской экономике.

Но еще раз подчеркну: признание необходимости использования отношений товарного производства при социализме никогда не вступало в противоречие с признанием того, что социализм, даже будучи низшей стадией коммунистического способа производства, в своих коренных, принципиальных основах не является товарно-денежной *системой*, в отличие от капитализма, который тождествен понятию «рыночная система», «система товарно-денежных отношений».

Однако и при социализме и при капитализме возникает вопрос об уровнях, ступенях и возможных формах развития этих систем. Естественно, что социализм в нашей стране в силу ряда причин исторического характера, что уже отмечалось выше, не мог обеспечить гражданам страны высокий уровень и качество жизни, а чрезмерная осторожность в использовании денежно-финансовых инструментов в организации деятельности предприятий не способствовала появлению достаточных стимулов для повышения эффективности производства. В результате соревнование с миром капитализма, особенно в освоении достижений научно-технической революции в массовом производстве, мы проигрывали.

Но только теперь, по прошествии двух десятилетий свободного движения к рынку, мы можем оценить те подлинные преимущества социализма, которые проявлялись в гарантировании самых главных прав человека — права на труд, отдых, охрану здоровья и образование, прав далеко не декларативных. Вместо этого мы получили громадную дифференциацию доходов, масштабную безработицу, коммерциализацию образования и здравоохранения, усиливающую разрыв в уровне доходов, массовую бедность (более трети населения имеют доход ниже прожиточного уровня) на фоне циничного обогащения немногих за счет монополизации естественных природных богатств страны и как следствие высокую социальную напряженность, чреватую возможными социальными конфликтами.

Что касается системы капитализма, то ее развитие в полном соответствии с действием закона повышения уровня обобществления производства, диктуемого поступательным развитием производительных сил, проявляется в нарастании процессов, именуемых сегодня глобализацией, а также в усилении государственного вмешательства в экономические и социальные процессы, в попытках их регулирования. Подобное вмешательство приносит свои позитивные плоды. Но системный подход к анализу этих процессов показывает, что регулируемый капитализм (его можно назвать и смешанной экономикой) по существу, по природе своей остается капитализмом. И усиливающиеся в условиях современной технологической и информационной революций тенденции превращения товара в не товар и рынка в не вполне классический рынок свободной конкуренции не достигли еще того уровня (и временные перспективы такого достижения еще очень туманны), который бы позволял сделать вывод о наступлении посткапиталистической, неэкономической эпохи.

Представляется, что в исследовании современных тенденций в развитии капитализма было бы очень плодотворным обращение к несправедливо забытым (и во многом обогатым, искаженным) моментам ленинской теории

империализма и государственно-монополистического капитализма, а также к исследованиям советскими учеными новейших процессов развития капитализма с позиции методологии марксизма.

Самое главное достижение и творческий потенциал этой методологии состоит в том, что одноплоскостное (и, следовательно, вульгарное, по определению К. Маркса) рассмотрение многосложных социально-экономических процессов не позволяет понять ни сущности происходящего, ни возможных тенденций и направлений их дальнейшего течения. Тем более вульгарным является сведение всех современных проблем к ошибкам в проведении правительства в тот или иной период той или иной экономической политики.

Напоминая о некоторых принципиальных особенностях методологии исследования общественных, прежде всего экономических, процессов, развиваемой представителями школы Н.А. Цаголова, необходимо отметить, что с позиции этой методологии отождествление планомерности и планирования абсолютно неправомерно. Планирование, даже директивное, т.е. обязательное к исполнению экономическими субъектами, имеющее силу юридического закона, является всего лишь формой выражения закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства. Включая в себя более сложный круг отношений (мотивов, интересов — словом, субъективных проявлений), планирование не гарантирует ни идеальных пропорций в экономике, ни адекватного достижения всех заявленных руководящими органами страны целей. С этой точки зрения можно найти много общих моментов в осуществлении государственного регулирования в социалистической и капиталистической системах, но принципиального различия этих систем оно не устраняет.

Можно отметить нарастание планомерных начал в деятельности современных крупнейших корпораций, контролирующих не только отдельные отрасли, но и комплексы отраслей, оперирующие громадными капиталами, но вся их деятельность в конечном счете есть проявление бытия общественного капитала. И тогда не следует удивляться тому, что всем национальным целям, в том числе и целям развития, олигарх Р. Абрамович предпочитает многомиллионные траты на содержание иностранной футбольной команды. Но такого рода траты выглядят благодушными и наивными на фоне диктуемой другими олигархами политики наведения «демократического порядка» в Ираке, например (и кто следующий?).

З.А. Корчагина, И.Е. Гумаргалиев